КЛАРИССА САБАР

ТАЙНА ДОМА С АГАПАНТАМИ

СТЕЛЛА И ОРТАНС

Три сестры. Три поколения.
Один секрет

Все счастливые семьи (Азбука)

Кларисса Сабар

Тайна дома с агапантами. Стелла и Ортанс

«Азбука»

2025

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

Сабар К.

Тайна дома с агапантами. Стелла и Ортанс / К. Сабар — «Азбука», 2025 — (Все счастливые семьи (Азбука))

ISBN 978-5-389-35722-8

Стелла так много лет жонглировала серьезной работой, воспитанием двойняшек и поддержанием семейного очага, что ничего удивительного – она выгорела. Теперь она грезит спокойной жизнью, мечтает открыть небольшой гостевой домик, который обставит своими руками, и борется со страхом неудачи. Когда мать предлагает Стелле наведаться во Францию, навестить семейную виллу под названием «Агапанты», Стелла колеблется: муж и дети наперебой просят ее не уезжать, ведь без ее поддержки им будет тяжело. Но как отказаться, когда у нее появился шанс наконец разгадать тайну ее любимой бабушки Ортанс! Почти век назад отец Ортанс и прадед Стеллы, известный художник Гийом Верне, оставил своим дочерям три картины, в которых скрывались подсказки, рассказывающие о судьбе утерянного бриллианта… Кузине Стеллы, Флоре, уже удалось разыскать одну из этих трех картин. Теперь наступила очередь и самой Стеллы. В письмах, газетных вырезках, обложках старых глянцевых журналов сокрыта жизнь юной Ортанс, модели и фотографа, и Стелле придется погрузиться в мир старого Парижа, блестящего Нью-Йорка, военного Лондона, чтобы узнать о ее секретах и мечтах, об опасностях и любви. Кто знает, возможно, это воображаемое путешествие изменит в конце концов и саму Стеллу.

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-389-35722-8

© Сабар К., 2025
© Азбука, 2025

Содержание

Краткое содержание первого тома 7
Пролог 8
1 11
2 17
3 22
4 27
Конец ознакомительного фрагмента. 31

Кларисса Сабар
Тайна дома с агапантами: Стелла и Ортанс

Этот роман посвящается всем женщинам, которые нашли свой путь,
стали хозяйками собственной судьбы
или еще не решились, но уже об этом мечтают.
Вы лучшие, даже не сомневайтесь!

Не думай о том, чего у тебя нет.
Думай о том, что можешь сделать с тем, что у тебя есть.
Эрнест Хемингуэй «Старик и море»

Серия «Все счастливые семьи»

Clarisse Sabard
LE SECRET DES AGAPANTHES, TOME 2: STELLA & HORTENSE
Published by arrangement with Lester Literary Agency

Перевод с французского Анны Сабовой

АЗБУКА

© Charleston, une marque des éditions Leduc, 2025
© Сабова А., перевод на русский язык, 2026
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026 Издательство Азбука®

Краткое содержание первого тома

Над жизнью Флоры, успешной владелицы художественной галереи в Лос-Анджелесе, сгущаются тучи. Она совершила смелый, но рискованный поступок: выступила с публичными обвинениями против человека, обладающего большим влиянием. Последовавшие за этим резонансный скандал и судебная тяжба ставят под угрозу все, что она построила. Ей отчаянно нужно убежище, место, где можно спрятаться от бури.

Таким убежищем становится старая семейная вилла в тихой Нормандии под названием «Агапанты». Дом, который Флора недавно унаследовала вместе со своими кузинами Стеллой и Морганой, ждал своего часа: его планировали продать. Но, вопреки ожиданиям, Флора не спешит расставаться с этим местом. Ее окружают приветливые соседи, а окутанные дымкой времени воспоминания детства и умиротворяющая природа возвращают ощущение покоя, которого она так давно не знала.

Однако размеренное течение жизни в Нормандии нарушает неожиданное событие. Однажды на пороге дома Флора обнаруживает загадочную посылку. Внутри – странный набор предметов: калейдоскоп, пожелтевшие фотографии, старые скетчи и… потрепанная временем рукопись. Флора с изумлением понимает, что это история ее бабушки Жозефины и прадеда, некогда известного художника.

Флора не может понять, кто и зачем прислал ей эти вещи, почему рукопись так и не была опубликована и что таят в себе наброски рисунков. Ответы на эти вопросы становятся для нее жизненно важными. Флора чувствует: за этим посланием стоит нечто большее, и это большее способно пролить свет на секреты, долгие годы отравлявшие жизнь ее семьи.

Так, читатель переносится в прошлое, в бурные и прекрасные 1930-е годы, когда юная Жозефина была студенткой парижской Школы изящных искусств. Это удивительное, свободное время, когда Париж бурлил, а в импрессионистских кафе велись жаркие споры о живописи и литературе. Именно тогда Жозефина окунается в кипящую жизнь, знакомится с искусством и встречает свою первую, возможно, самую драматичную любовь

Фрагменты рукописи, оказавшиеся у Флоры, и старые фотографии – это дневник Жозефины, ее исповедь. Но в нем есть пробелы, намеки на трагедию, на предательство, которое оставило неизгладимый след. История Жозефины разворачивается не только в парижских мастерских, но и в Италии времен тревожной эпохи фашизма, среди мрамора старинных палаццо.

Погружаясь в прошлое бабушки, Флора понимает, что это не простая история – она связана с семейной тайной. В свое время ее прадед завещал каждой из трех дочерей по полотну. Если собрать их все, то, возможно, откроется секрет редкого оранжевого бриллианта, пропавшего много лет назад.

Одержимая желанием найти правду, Флора предпринимает самое настоящее расследование, которое уводит ее далеко за пределы Нормандии – на живописный греческий остров Корфу. Именно там, среди древних оливковых рощ и бирюзовых вод, она надеется найти разгадку и наконец связать воедино историю Жозефины, тайну пропавших полотен и судьбу драгоценного камня.

Это путешествие становится для нее не просто поиском артефактов, но дорогой к самой себе и своим корням. Флора наконец получает шанс стать ближе к самым родным, но таким далеким людям и раскрыть те тайны, которые годами оставались неразгаданными.

Пролог

Поместье Хартнеллов, Котсуолдс, Англия, 1969

Ортанс остановилась, чтобы немного перевести дух. Дышать было тяжело, сердце бешено колотилось в груди – она совсем отвыкла от такой нагрузки. Несмотря на вспотевший лоб, женщина чувствовала, что безжалостный холод пробирался под непромокаемый плащ. В ноябрьской мороси было мало приятного, к тому же все промокло и землю повсюду усеяли грибы. Она это терпеть не могла! Именно в это отвратительное время года она старалась избегать поместья, которое становилось совершенно безрадостным и внушало ей какое-то чувство уязвимости. Она бы охотно променяла все это на огни Лондона, гул Оксфорд-стрит, силуэты прохожих в Риджентс-парке совсем недалеко от ее дома и бесконечную суету в универмаге *Harrods*. Но выбирать не приходилось. Неужели этому не видно конца?

– Сигарета. Мне нужна сигарета, – сказала себе женщина пятидесяти лет, поправляя шелковый платок на золотисто-рыжих волосах, едва тронутых сединой.

Она удивилась звуку собственного голоса в безмолвной темноте, царившей в окрестностях поместья. Призрачный свет луны освещал обнаженные ветви буков, как вилы, воздетые к небу. Она не верила в привидения, но от этого места у нее по коже бежали мурашки. И все-таки она сама решила приехать сюда в одиночестве, чтобы больше никого не втягивать в эту мрачную историю. Обернувшись, женщина разглядела вдали серебряную гладь реки, извивавшейся среди деревьев. Нерешительно сжала в ладони изящный латунный ключик. Может, лучше бросить его в воду или все-таки оставить как подсказку – на будущее? Вряд ли ее дочь Руби когда-нибудь захочет копаться в этой жуткой истории, ведь теперь все осталось позади. Ортанс едва слышно всхлипнула. Главное, что Руби больше ничего не угрожало, и все-таки она злилась и винила себя в произошедшем с ней. Хотя в каком-то смысле она никого не могла винить… Возможно, однажды Руби смягчится и захочет узнать правду.

– Подсказка, да. Но сначала – сигарета.

Потом надо бы позвонить Жозефине, ее старшей сестре. Трудно будет сообщить ей, что ее сын точно втянут в эту историю, но все уже зашло слишком далеко. Решив покончить со всем как можно скорее, Ортанс двинулась дальше по грязной тропинке, усыпанной опавшими листьями. Когда она вышла на лесную опушку, позади зловеще скрипнула железная калитка, обрамленная двумя столбиками. Самое тяжелое позади. Картина теперь в надежном месте. Она торопливо поднялась по лестнице на крыльцо и толкнула тяжелую входную дверь, а затем пересекла фойе, ведущее в гостиную. Принадлежавший родителям ее мужа дом уже давно пустовал. Бенни хотел, чтобы родовое поместье перешло к нему и таким образом не досталось хищным агентам по недвижимости. Оба они прекрасно понимали, что однажды здесь обоснуется Даниэль, которая гораздо сильнее привязана к этой старой развалине, чем Руби. До тех пор Ортанс прикладывала все усилия, чтобы поддерживать его в надлежащем состоянии.

– И припрятать здесь опасные тайны, – пробормотала она, раскуривая сигарету марки *Lucky Strike*[1].

Она положила зажигалку на стол и устроилась в кресле, обитом тканью цвета Тиффани, наслаждаясь сигаретой. Пережитые за последние дни тревоги не способствовали отказу от курения, даже напротив – укрепляли ее вредную привычку. Ортанс беспокойно трясла ногой, уперев ее в ножку кресла, и размышляла, что же она скажет Жозефине. Сестра вечно старалась всех помирить. Наверняка она придумает какое-нибудь оправдание для своего сына… Часы на

[1] *Lucky Strike* – одна из самых старых марок американских сигарет, существует с 1869 года. – *Здесь и далее примечания переводчика.*

каминной полке пробили девять вечера. Значит, в Калифорнии сейчас час дня. Ортанс решительно затушила окурок в пепельнице и взяла телефонную трубку. Жозефина ответила после третьего гудка. Они сразу перешли к главному.

– Как себя чувствует Руби?

– Операция прошла хорошо. Она приходит в себя, по крайней мере физически. Что до остального…

Спазм сдавил горло, Ортанс больше не смогла выдавить ни слова. Телефонный провод был крепко намотан вокруг ее указательного пальца.

– Ты правда думаешь, что это связано с картиной? – выдохнула Жозефина.

– Жожо, вся моя квартира перевернута вверх дном. И при этом ничего не украли. По словам Даниэль…

Она снова замолчала, подбирая слова, чтобы объяснить все сестре.

– Так? – поторопила ее та.

– Гэри приехал в Лондон. Он заглянул, чтобы проведать девочек, и… вероятно, он с кем-то поговорил.

– Понятно.

Голос Жозефины был бесстрастен. С тех пор как ее сына убедили, что он стал наследником редкого бриллианта «Яркость», официально пропавшего со всех радаров незадолго до начала Первой мировой войны, она ходила как по минному полю. Юноша всего лишь пять лет назад узнал, кто его биологический отец, и, судя по всему, до конца не смирился с этим знанием.

– Витторио упоминал фамилию Барнет в его присутствии? – осторожно спросила Ортанс.

– Ни малейшего понятия, – вздохнула Жозефина. – Со мной Гэри не разговаривает. Он знает об этом всего несколько месяцев, и сама новость для него все равно что кость в горле. Ты же не считаешь, что мой сын мог напасть на собственную двоюродную сестру?

– Нет, конечно же нет. И все-таки совпадений слишком много, это не может не беспокоить. Он несколько раз оказывался в обществе Руби, и они могли встретиться где угодно.

– В таком случае Руби, возможно, признается тебе, – парировала Жозефина. – Я еще раз скажу Гэри, что бриллиант покоится на дне Ла-Манша с тех пор, как папа его туда бросил. Он должен наконец усвоить это.

Ортанс согласилась и добавила:

– Эта Элинор навлекла на нас уже достаточно неприятностей. После того, что случилось с Руби, я решила раз и навсегда избавиться от картины.

– Ты ведь не продала ее?! – ахнула Жозефина на другом конце провода.

– О нет! Я просто позаботилась о том, чтобы она больше не портила нам жизнь.

Сколько же испытаний им пришлось пережить из-за наследства, обремененного такой историей! Нельзя допустить, чтобы этот тяжкий груз прошлого угрожал их детям, только не после всего того, что они пережили.

Жозефина догадывалась, что Ортанс ничего больше ей не расскажет, и не стала расспрашивать ее о судьбе портрета.

– Что ты теперь будешь делать? – спросила она наконец.

– Вернусь в Лондон. Свяжусь со Скотти, сыном Симоны. Хочу оставить ему какую-то подсказку, понимаешь?

Когда она поделилась планом с сестрой, ее осенило, что надо бы рассказать все и младшей сестре Жюльет. Ей тоже пришлось пройти трудные испытания, и она как никто заботилась о тайне «Агапантов». Значит, никому, кроме нее, Ортанс не могла доверить эту подсказку, единственную подсказку… Да, все вставало на свои места. Не задумываясь, она взяла блокнот, лежавший возле телефона, и быстро записала то, что ей казалось самым логичным: «1969». Так проще, и она точно не забудет.

– Я пойду, у меня еще встреча, – извинилась Жозефина, когда Ортанс замолчала. – Уверена, все образуется. Обними от меня Руби и перезвони, как сможешь.

– Хорошо, – пообещала Ортанс и повесила трубку.

В особняке царила тишина, и, сидя лицом к огню, потрескивавшему в камине, женщина смотрела на цифры на бумаге. Их было достаточно. Мысль о том, что теперь, наконец, она снова взяла свою судьбу в собственные руки, успокоила Ортанс. Она закурила еще одну сигарету, и ее плечи расслабились, словно с них сняли невидимый груз. Руби еще предстояло пройти долгий путь, но однажды она простит ее. Больше им ничего не грозит.

1

Стелла, 2018

– Ну как, Стелла, что думаете? – спросила Эрин, запирая дверь и пытаясь совладать с неподатливым замком.

Я раскрыла зонтик и обернулась к собеседнице, чувствуя, как внутри у меня все сжалось. Меня угнетала не только морось, зарядившая с самого утра, но и вид кирпичного загородного домика, который я только что осмотрела. Из-за его низкой стоимости на чудо я и не надеялась, но правда не ожидала, что он потребует такого серьезного ремонта. И, следовательно, вложения денег. В общем, этот дом представлял собой настоящую финансовую дыру.

Пытаясь подобрать обнадеживающие слова под пристальным взглядом агента по недвижимости, я вспомнила зеленые просторы, тянувшиеся за садом до самого горизонта.

– Пейзаж здесь и правда великолепный. Но чтобы сделать коттедж пригодным для жизни, многое придется отремонтировать, просто поверьте… Сначала мне надо поговорить с мужем, не могу принять такое решение в одиночку.

На самом деле я вообще не собиралась обсуждать с Адамом эту развалину. Даже вообразить не могу, что мы сюда переедем, все равно ремонт нам не по карману. Крыша местами прогнулась, да и доски, изъеденные червями и пропахшие сыростью, никуда не годились. О прилегавшем к дому сарае даже говорить не стоит – если отстроить его заново, из него выйдет очаровательная студия, но пока он лишь дожидался лучших дней и разваливался. Все эти неизбежные работы могли нас обанкротить, хотя наши сбережения и без того испарялись, как снег на солнце.

– Ваш муж работает ветеринаром, да? – попыталась завязать разговор Эрин.

Ее улыбка была такой же скованной, как и моя, она убрала за ухо светлую прядь безупречного каре. Без боя она не сдавалась.

– Да, Адам – заместитель директора клиники в Кенсингтоне.

Она удовлетворенно кивнула.

– Вы же знаете, что от Севеноакс до Лондона меньше часа на поезде. Это удобно, а если он хочет работать здесь, то поблизости есть несколько приютов для животных. Уверена, что Кент вам понравится… Вы же дизайнер интерьера, да?

Я сделала над собой усилие, чтобы не скривиться. Никогда не знала, как отвечать на вопросы о своей профессии. На протяжении десяти лет я все силы отдавала работе в компании управленческого консалтинга, чтобы добиться повышения, которое открыло бы мне путь к желанному статусу партнера. Ради этого я вкалывала по четырнадцать часов в день в офисе на двадцать втором этаже в Сити. Моя задача заключалась в том, чтобы развивать растущие компании, сложные кейсы меня не пугали, а только подстегивали. Не хочу хвастаться, но я стала одним из лучших сотрудников компании. По крайней мере, я в этом не сомневалась, пока руководители не объявили о тревожных финансовых убытках из-за роста конкуренции. Они решили распустить команду, чтобы дать вторую жизнь *Perkins Consulting,* и предложили мне выбирать между понижением и увольнением. Скрепя сердце я выбрала второе и вскоре узнала, что Мередит, незамужняя и бездетная коллега помладше меня, которую я сама же и вырастила в компании, получила мою должность вместе с портфелем клиентов. Очевидно, к тридцати семи годам я достигла своего потолка, и меня просто выбросили, как просроченный товар. Эта жестокая в своей банальности история открыла мне глаза на очевидную истину: деловой мир беспощаден, и особенно он жесток к женщинам. Мне было непросто примириться с увольнением, и все же оно позволило мне вернуться к старой мечте открыть однажды гостевой дом. А тем временем я нашла в себе силы, чтобы заняться дизайном интерьера и изготав-

ливать текстиль для дома. Искать красивые ткани, придумывать, как улучшить при помощи них интерьер – все это меня захватывало, и в этой работе я видела первый шаг к собственному проекту. Благодаря поддержке лучшей подруги по имени Инда, написавшей о моей работе в своем лайфстайл-блоге и модном журнале, с которым она постоянно сотрудничала, я начала регулярно получать заказы на наволочки и шторы. При этом обманывать себя я не собиралась: долгожданного взлета пока так и не произошло. Запустить собственное дело у меня не получалось.

Стараясь придать себе уверенный вид, я посмотрела на Эрин.

– Я делаю домашний текстиль на заказ. Я одержима уютными интерьерами, в которых приятно находиться, и, когда мы переедем за город, хотела бы выделить одну или две комнаты в доме под гостевые, устроить что-то вроде мини-отеля.

– Стелла, этот дом вам идеально подойдет! Нужно только его отремонтировать – и ваши гости будут без ума от его неповторимой атмосферы, я абсолютно уверена.

Из вежливости я еще раз оглядела участок с домишкой, увенчанным хлипкой крышей. Нет, ни за что. Но мне не хотелось задеть собеседницу, поэтому ответила я предельно вежливо:

– Я свяжусь с вами в кратчайшие сроки и сообщу о нашем решении, обещаю.

К счастью, Эрин торопилась на следующую встречу и уже не могла бесконечно убеждать меня в том, что покупка этого грязного домишки – сделка века. Я села в машину, бросила сумку на пассажирское кресло и тяжело вздохнула. Именно такие огорчения наводили меня на мысль: а может, решение покинуть Лондон ради более спокойного места – все-таки ошибка? Что дальше? Разослать резюме во все офисы Сити и Канари Уорф, чтобы найти должность с графиком, подходящим под мою личную жизнь? Такая перспектива невероятно удручала меня, но если иначе не получится оплатить учебу Гарри и Элли, наших четырнадцатилетних близнецов, то я пойду на эту жертву.

☆ ☆ ☆

Слухи о пробках на окраинах столицы не были преувеличением. Чтобы добраться из Севеноакс до Лондона, мне понадобилось полтора часа. Трассы M25 и A2, как всегда, были загружены, я даже пожалела, что не поехала на поезде. Мы с Индой договорились пообедать в тайском ресторане в районе Блэкфрайарс, что в самом центре Сити. Наверное, это один из худших кошмаров водителя. Здесь царила привычная суета. Тротуары были переполнены бесконечным потоком пешеходов, и все как один уткнулись в смартфоны, чтобы не пропустить ни одну срочную новость. Я удвоила бдительность, чтобы не задеть кого-нибудь из совсем зазевавшихся. Даже не верится – еще совсем недавно я была точно такой же… По этому постоянному стрессу я уж точно не скучаю. Я была вне себя, когда вся Грейсчерч-стрит встала из-за такси и двухэтажного автобуса, заспоривших из-за приоритета на дороге. Ну и повезло же мне! К счастью, я сообразила отправить Инде эсэмэс и предупредить ее, что я немного опоздаю – пусть пока займет столик.

– Ну давай, езжай уже! – взмолилась я, нервно барабаня по рулю в такт последней песне Дуа Липы, игравшей по радио на полную.

Казалось, прошла вечность, пока я добралась до Кэннон-стрит. Отказавшись от идеи встать как можно ближе к ресторану, я бросила машину на подземной парковке. Это обойдется мне недешево, но я и так уже сильно опоздала. Отметая лишние сомнения, я торопилась, чтобы не заставлять подругу дожидаться меня еще дольше.

– Стелла! – радостно воскликнула Инда, обнимая меня, будто мы не виделись уже несколько месяцев. – У меня скоро встреча, так что я ненадолго… Давай сразу закажем? Ни

в чем себе не отказывай – за все платит мой босс, – добавила она, насмешливо поигрывая бровями.

Мы остановились на пад-тай – для моей подруги вегетарианский, а для меня с курицей.

– Хотела бы я заниматься тем же, чем и ты, – весело призналась я, когда официант удалился. – Получать зарплату за то, что тебя кормят в ресторанах Лондона, – это же просто работа мечты! Ну что, какие у тебя новости?

– О, я, может, скоро напишу заявление об увольнении. – В голосе подруги угадывалось легкое раздражение. – Видеть не могу моего начальника: мало того, что он с головы до ног обливается туалетной водой с запахом лаванды, так еще и не берет мою статью о лучших местах для пятичасового чая в столице.

– Почему? Это просто смешно, все же любят пятичасовой чай.

– Он считает, что это уже всем набило оскомину. Ему абсолютно плевать, сколько тысяч просмотров набрал пост на эту тему в моем блоге. Проклятый Эд Геллер! Стелла, вечно меня никто не понимает…

Я обеспокоенно нахмурилась. Такие терзания были совершенно несвойственны моей подруге.

– Милая, неужели ты правда собираешься уходить? – Я осторожно накрыла ее ладонь своей. – Ты редко бываешь такой подавленной…

Обычно Инда воплощала собой хорошее настроение. Ее жизнерадостный характер сквозил в ее одежде ярких цветов, массивных украшениях и немеркнущей улыбке. Сегодня она пришла на нашу встречу в брючном костюме мандаринового цвета, который подчеркивал ее темные глаза и матовый оттенок кожи. На ее фоне я просто меркла со своими светло-рыжими волосами, перехваченными заколкой, с карими глазами и джинсовой рубашкой, украденной у мужа утром.

– Нет, все в порядке, честное слово, – ответила она. – Я…

Она помедлила.

– Наверное, я просто принимаю все слишком близко к сердцу, – признала она наконец. – Просто сейчас слегка вымотана, если понимаешь, о чем я.

Ее лицо приняло почти лукавое выражение, она как будто ждала моей реакции. Я была совершенно сбита с толку.

– Инда… – выдохнула я. – Последний раз ты была в таком состоянии, когда забеременела Наалой.

– Именно, – широко улыбнулась она.

Я не смогла скрыть удивление.

– Так значит, ты снова…

– Да! – воскликнула она. – Через семь месяцев с хвостиком Наала станет старшей сестрой. Боже, у меня никаких сил нет больше хранить это в тайне! После моих родных ты первая, с кем я поделилась.

Я вскочила со стула и бросилась обнимать подругу.

– О-о, какая чудесная новость! Поздравляю, дорогая!

По этому радостному случаю мы подняли бокалы с фруктовым соком и заговорили о планах моей подруги. Скорое появление на свет второго ребенка вынуждало их искать дом побольше.

– Вы уедете из Холланд-парка. – Я скорее утверждала, чем спрашивала.

Мы с Индой познакомились семь лет назад в квартале, названном в честь этого знаменитого парка. Мы с Адамом и детьми переехали на Куинсдейл-роуд, и я решила начать бегать по выходным, чтобы познакомиться с новым районом; так получилось, что Инда приняла аналогичное решение после расставания. Сделав один круг по парку, я выбилась из сил и рухнула на скамейку в японском садике. В тот же момент появилась Инда с бутылочкой воды. «Бегать

– это отстой», – заявила она со всей уверенностью, на которую была способна. Спустя один фраппучино мы стали лучшими подругами на свете. Инда жила в очаровательной квартире в Холланд-Грин-Плэйс в двух шагах от меня. И вот теперь она собирается переезжать, а я все еще буксую на месте и никуда не двигаюсь.

Почувствовав мою досаду, Инда мягко заговорила:

– Мы нашли красивую квартиру на Примроуз-хилл, и нам она очень понравилась, к тому же так мы будем ближе к родителям, а они смогут видеться с детьми и не тратить каждый раз по часу на дорогу. Сегодня вечером начинаем торги.

Я улыбнулась подруге. Примроуз-хилл был мне хорошо знаком – моя бабушка Ортанс жила там до конца своих дней. Восхитительные домики ярких цветов и симпатичные магазинчики вдоль главной улицы создавали в этом квартале загородную атмосферу, недаром это был один из самых красивых – и фешенебельных – районов Лондона. Сколько раз я в юности садилась в метро на «Нозерн Лайн» и ехала до «Чок Фарм», чтобы прогуляться с Ортанс в Риджетс-парке! Она обожала слушать мои рассказы об учебе в лицее и о моих друзьях, пока мы блуждали по парку.

– Вам очень понравится в Примроуз, Инда. Я искренне за тебя рада, – ответила я, решив отбросить свой эгоизм.

И это было правдой. Я радовалась, что Каран и Инда могут себе позволить реализовать эту мечту. Родители моей подруги работали врачами, и она никогда ни в чем не нуждалась, но ее муж был из гораздо более скромной среды: он вырос с четырьмя братьями и сестрами в семье, которая держала индийский ресторан в Брикстоне. Но в планах у Карана не было до конца своих дней разносить курицу тикка-масала посетителям, и он схватился за учебники, как за спасательный круг, и постепенно поднимался по карьерной лестнице, не переставая давать поводы для гордости Инде.

– Мне не терпится подняться с тобой на холм Примроуз, оттуда открывается восхитительный вид на Лондон, – продолжила я.

Она с облегчением поняла, что я отнеслась к идее хорошо, и рассмеялась:

– А потом мы закажем по чашечке неприлично дорогого кофе с непроизносимым названием на лучших террасах района! Но хватит обо мне – ты, я так подозреваю, тоже собралась переезжать. Как твоя утренняя поездка? Рассказывай!

Мы уже успели поесть, и мне не хотелось начинать этот безрадостный разговор за пустыми тарелками.

– Не хочешь немного пройтись? – предложила я.

Уже через несколько минут мы спускались к берегу Темзы. Солнце наконец пробивалось сквозь серую пелену облаков и прогревало воздух, обещая погожий май. Прогуливаясь между мостом Миллениум и Блэкфрайерс, я рассказала Инде о своих утренних злоключениях.

– Грязный домишко – это просто ужасно… – констатировала она.

– Ужасно, да, но, боюсь, это не последнее мое разочарование. Нас очень тормозит ограниченный бюджет, а спустить на это дело все мое выходное пособие не хотелось бы. Ведь мне нужен не роскошный особняк… просто дом, где будет уютно и хорошо. Неужели я многого прошу?

Я рухнула на скамью, с которой открывался вид на реку и прогулочные кораблики, и устало вздохнула. На противоположном берегу вдалеке блестел на солнце окнами ультрасовременный небоскреб *The Shard*; напротив небоскреб *Sky Garden* и купол собора Святого Павла соперничали красотой – каждый на свой манер. Меня всегда завораживало это свойственное Лондону сочетание современного и древнего, но сейчас этот вид нисколько не утешал.

Инда нахмурилась, внимательно глядя на меня.

– А что насчет финансовой помощи, которую вам предлагают родители? Адам по-прежнему стоит на своем? Потому что это серьезно облегчило бы ваше положение.

– Он даже слышать об этом не хочет, – с горечью признала я. – И во многом его можно понять – после того как я потеряла работу, они и так частично взяли на себя оплату учебы близнецов во французском лицее.

И это уже само по себе заставило мужа серьезно поступиться собственными принципами. Его родители давно были в разводе, они относились к тем людям, которые жили только для себя и не были очень крепкой семьей. Его отец вел тихую жизнь в Манчестере, а мать переехала в Перш во Франции – к себе на родину (мы с Адамом познакомились благодаря французским корням на предпоследнем году обучения во французском лицее). В лучшем случае мы виделись с ними раз в год, и мужу даже в голову не приходило рассчитывать на их помощь.

– Хорошо, а что насчет того дома в Нормандии, который достался тебе по наследству? Наверняка его можно продать за кругленькую сумму, нет?

Подруга имела в виду особняк «Агапанты», где выросла моя бабушка. После смерти ее самой младшей сестры Жюльет в конце прошлой зимы мы с кузинами узнали, что нам досталась вилла на берегу моря. Я хорошо общалась с Флорой, внучкой Жозефины – старшей сестры Ортанс, которая жила в Калифорнии. Моргана, внучка Жюльет, жила в Гавре и не ответила ни на одно наше сообщение. В детстве я часто приезжала на эту виллу летом и сохранила о ней только счастливые воспоминания.

– Мне полагается только треть наследства, – напомнила я Инде. – Я собираюсь съездить туда этим летом с Адамом и детьми и надеюсь, что кузины быстро примут решение. Но есть у меня подозрение, что все будет не так просто.

И это меня глубоко расстраивало, потому что вилла в духе прекрасной эпохи обладала большим потенциалом – я заметила это, когда провела там выходные с Флорой. В прошлом месяце она пробыла в «Агапантах» несколько недель… и это принесло немало сюрпризов! Некто – нам так и не удалось установить его личность – положил на крыльцо дома рукопись, написанную бабушкой Флоры и пролившую свет на тайну, связанную с нашим прадедушкой – знаменитым художником Гийомом Верне. Судя по всему, накануне Первой мировой войны у Гийома была связь с юной англичанкой по имени Элинор, он написал три ее портрета. Вот только красавица Элинор была как-то замешана в истории об исчезновении редкого бриллианта «Яркость». Флоре удалось выяснить, что бриллиант пропал в водах Ла-Манша, а одна из картин перешла к ее бабушке. После ряда драматических событий из-за людей, втянутых в эту историю и надеявшихся заполучить «Яркость», Жозефина старательно спрятала картину в гроте на Корфу, где жила на протяжении нескольких лет. Флора каким-то чудом сумела до нее добраться, но пока что мы так и не предали огласке существование этих полотен. Нельзя было допустить, чтобы совершенно посторонние люди пустились на поиски двух остальных картин и таким образом заработали бы на нашей семье или чтобы кто-нибудь вообразил, что знаменитый бриллиант находится у нас.

Инда как будто прочла мои мысли.

– Неужели тебе не хотелось узнать, обладала ли и твоя бабушка одной из этих загадочных картин? На твоем месте я бы уже извелась от любопытства.

Продолжая созерцать мутные воды Темзы, я ответила:

– Конечно, но это все только догадки… Ничто не подтверждает нашу теорию о существовании и других полотен. Жозефина только бегло упомянула их в рукописи, и я почти уверена, что ни разу не видела у бабушки хотя бы одного портрета Элинор.

– Тогда тебе срочно надо вернуться в Нормандию и провести расследование, – лукаво ответила она. – Я, со своей стороны, напишу на эту тему статью и получу почетную награду. И в довершение всего какой-нибудь голливудский режиссер доберется до этой истории и снимет блокбастер!

Я не смогла сдержать улыбку.

– О-о, Инда, ты неисправима! Но давай пока не будем торопиться с подсчетами кассовых сборов. Я уже тебе говорила – главное, не предавать эту историю огласке. Пожалуйста, не подведи меня.

– Ну ты и зануда! – усмехнулась она. – Само собой, я ничего никому не расскажу. Ладно, мне пора бежать, а то БЗБ меня хватится.

– БЗБ? – со смехом переспросила я.

– Ну как же – Большой Злой Босс! Летучка уже через полчаса, а мне нужно двадцать минут, чтобы вернуться на Холборн.

– Давай, беги! – сказала я, обнимая подругу. – И еще раз поздравляю тебя с беременностью, это фантастическая новость!

Я улыбнулась, глядя вслед подруге, удалявшейся бодрой походкой. Моя карьера застыла на мертвой точке, поиски подходящего дома обречены на провал, и порой (ладно, часто) я сердилась на мужа и детей, но все-таки в моей жизни есть Инда Панди. Мне чертовски повезло.

2

Несколько часов спустя, включив себе для мотивации песню *«Disco 2000»* группы *Pulp,* я убиралась в мезонине, который служил мне рабочим местом и в котором близнецы развели беспорядок, закончив смотреть сериал на моем компьютере. Когда они уже поймут – если я работаю дома, это еще не делает из меня домработницу?! Все впустую. Мне приходилось тратить драгоценное время на уборку вместо того, чтобы сосредоточиться на заказах. В этот момент раздался пронзительный крик дочери – они с братом только что вернулись домой.

– МАМА! – завопила она, поднимаясь по лестнице, на ее лице читалось возмущение. – Ты что, оглохла?! Сделай потише это старье – орет на всю улицу!

Судя по всему, обычный поцелуй в щеку после возвращения с учебы уже вышел из моды. Я вытащила худи с эмблемой «Звездных войн» из-под перевернутого пуфа возле моего швейного столика, только потом убавила громкость и повернулась к Элли.

– Да, милая, мой день прошел хорошо, спасибо, что спросила, – иронично ответила я. – Надеюсь, и твой тоже? Ах да, и мое старье, как ты называешь эту музыку, помогает мне не пасть духом, пока я разгребаю все, что разбросали ты и твой брат.

– Ладно, извини, мам… – выдохнула она, взъерошив челку. – Мы собирались убрать все вечером, правда.

Я сделала вид, что поверила ей.

– Хорошо. Согласна, музыка играла слишком громко, – уступила я, – но я не слышала, как вы пришли. И, кстати, где Гарри?

– Я тут, мам! – откликнулся сын, поднимаясь по лестнице.

Он встал рядом с сестрой, и я улыбнулась, нежно посмотрев на обоих. Близнецы Элли и Гарри не могли быть более разными. Они были похожи только взглядами и родинкой, украшавшей кончик правой брови. Дочь обладала миниатюрным телосложением, волосами того же светло-рыжего оттенка, что и у меня, карими глазами с зелеными крапинками, а еще вдумчивым и одновременно взрывным характером. Глядя на нее, я иногда ловила себя на безумной мысли, что вижу в ней, как в зеркале, саму себя в подростковом возрасте. А сыну достались длинные ноги и густая темно-русая грива его отца. Вместе с его беспечностью.

– Как прошли занятия? Все хорошо? – спросила я обоих.

Оба решительно кивнули.

– А, пока я не забыл – сразу после того, как ты ушла утром, тебе принесли письмо, – сообщил мне Гарри. – Я положил его на подставку для обуви в прихожей. Ты его нашла?

«Очередной счет, только этого не хватало… Прекрасно».

– Нет, у меня руки были заняты покупками, когда я вернулась, почту я не проверяла. Но спасибо, котенок.

– Ой, ну хватит уже меня так называть, я же не пятилетний! – нахмурился Гарри, и его сестра рассмеялась.

Он в шутку отвесил ей щелбан. Я удержалась от того, чтобы напомнить ему: в моем сердце он всегда останется малышом, несмотря его большой размер обуви и пробивающуюся на подбородке щетину.

– Ты только посмотри, что я нашла! – Я протянула ему худи.

– Он был здесь? – удивился сын. – Ну это круто, я уже думал, что забыл его в раздевалке после тенниса. Что у нас на ужин?

– Картофельная запеканка и котлеты. Не хочешь помочь мне с готовкой?

Большие карие глаза Гарри стали еще больше.

– Не могу – я собираюсь готовиться к тесту по географии с Самуэлем по видеосвязи. В следующий раз! – бросил он, исчезая в своей комнате.

Элли догадалась, что сейчас я задам ей тот же вопрос, поэтому схватила свой рюкзак и дала понять, что на нее тоже можно не рассчитывать.

– Мне надо закончить доклад о «Милом друге» по французскому, но я еще спущусь попозже – приготовлю себе стручковую фасоль. Запеканку не буду, – скривилась она.

Как и большинство ее сверстниц, Элли беспокоилась о том, как вкусная еда может повлиять на ее осиную талию. Но, как ни странно, это совершенно не мешало ей при первой возможности объедаться чипсами на пару с братом. Я без устали пыталась ее образумить.

– Ты обожаешь ходить пешком, милая, калории быстро сгорят, если ты просто прогуляешься завтра из лицея домой. И ты можешь без проблем съесть немного запеканки – я как раз собиралась добавить стручковую фасоль.

– Окей, супер, – бросила она, тоже убегая к себе в комнату.

Мне было досадно, но я смирилась с мыслью, что до ужина близнецов не увижу.

– Да уж, «супер», – пробормотала я себе под нос. – Хорошо, надо глянуть, что это за письмо.

Конверт лежал на стопке рекламных объявлений, и я сразу заметила, что мое имя и адрес были старательно выведены от руки. Значит, не очередной счет. Я удивленно ахнула: если верить штампу почтового отделения, письмо было отправлено из Дьеппа во Франции всего несколько дней назад. Сердце забилось быстрее – так ведь это письмо могла отправить только Жюльет, младшая сестра моей бабушки. Через три месяца после ее смерти… Странно. Но именно с такого письма все началось для Флоры, когда она была в Нормандии. Незадолго до смерти Жюльет написала ей, и ее письмо попало в тот же самый ящик, где Флора нашла рукопись перед дверями «Агапантов». Судя по всему, теперь настал мой черед.

– Ну я и вляпалась… – вырвалось у меня. Уж лучше бы это оказался очередной счет!

На обороте конверта не было ни малейшего намека на адрес. Очевидно, таинственный аноним вновь нас достал.

– Спокойно, наверняка это просто нотариус… – попыталась я себя успокоить.

Но в глубине души я понимала, что это не так, ведь все документы о наследстве мне уже пришли. Я отправилась на кухню с письмом и запустила кофемашину. Прежде чем читать написанные рукой Жюльет строки, мне нужна порция кофеина. И что мне делать, если она просит отправиться на поиски второго портрета Элинор? И, даже если когда-то этот портрет у моей бабушки был, где он мог находиться сейчас? Нет-нет-нет. Нельзя в это втягиваться. Как я уже говорила Инде, не было никаких доказательств того, что Ортанс что-то об этом знала. У моей бабушки, судя по всему, причуд было гораздо меньше, чем у ее старшей сестры, и я просто не могла вообразить, чтобы она отправилась на остров прятать картину. Она была настолько прагматичной, что, когда ей диагностировали рак легких, от которого она умерла девять месяцев спустя, она составила перечень всего своего имущества, чтобы уберечь маму от этого тяжкого бремени. Если бы у нее было полотно, мы бы об этом узнали. Скорее всего, Жюльет написала мне только для того, чтобы оставить какие-то распоряжения насчет виллы.

– Окей, есть только один способ во всем разобраться.

Взяв кружку, я опустилась на стул и дрожащими руками вскрыла конверт. Сделав в тишине большой глоток кофе, я принялась читать строки, аккуратно выведенные рукой моей бабушки.

Дорогая Стелла,

Даже не знаю, с чего начать. Если ты не поддерживаешь связь с Флорой, мое письмо покажется тебе довольно странным. Все устроилось так, как я предполагала? Очень надеюсь, что да. Если ты сама не решила погостить в «Агапантах», то человек, которому я пере-

дала этот конверт, должен был тебе его отправить. Не суди строго его решение сохранить анонимность – обещаю, ты все узнаешь в свое время. Сейчас, когда я пишу тебе, мое здоровье слабеет, и я чувствую, что конец уже близок. И я смирилась с этой мыслью; даже вообразить не могла, что проживу девять десятилетий! Но прежде чем воссоединиться с горячо любимыми сестрами и родителями, я должна завершить одно дело: пришло время рассказать тебе и твоим кузинам нашу историю, и больше мне ничто не помешает это сделать. Слишком долго секреты властвовали над нашей судьбой, и они, увы, лишь отдалили нас друг от друга. Пора положить этому конец.

Знаю – из-за неудачи, которая постигла тебя на профессиональном фронте, ты испытываешь острое чувство беспомощности, тебе больно при мысли, что мечты от тебя ускользают. Хочу сказать тебе одну вещь, Стелла: жизнь тебя еще удивит, даже не сомневайся. В твоих силах сделать необходимое для того, чтобы все случилось. Мне было так радостно наблюдать за тобой, когда ты приезжала на летние каникулы: ты унаследовала силу характера твоей бабушки. Вот только ты и сама это не всегда понимаешь. Да и Ортанс едва ли отдавала себе в этом отчет, а она была самой сильной из нас троих! Что тебе нужно, так это свое место, где ты сможешь набраться сил и энергии. Несколько дней в «Агапантах» пойдут тебе на пользу. И, конечно же, я пишу тебе не просто так – на вилле ты найдешь ответы на свои вопросы. Если ты говорила с Флорой, у тебя их должно быть много! Наверняка ты знаешь, что у твоей бабушки был талант к фотографии. Она часто говорила нам, что фотография – единственный способ превратить воспоминание в истину; и как раз в «Агапантах» ты и откроешь для себя истину Ортанс. Все ее сильные и слабые стороны, все битвы и бури, которые она пережила, не должны тебя пугать. Ты поймешь причины ее поступков, как Флора – по крайней мере, я на это надеюсь – поняла все про судьбу Жозефины. Хорошенько запомни: только три недостающих фрагмента приведут тебя к четвертому… Но ты уже наверняка это знаешь, да?

О, я прекрасно понимаю, что ты, возможно, не хочешь обременять себя грузом такого тяжелого прошлого – и я не держу на тебя обиды. И все-таки верю в ту искорку, которая может подтолкнуть тебя к решению в последний раз взглянуть на дом перед тем, как решить его судьбу. Вилла всегда казалась мне грустной без детского смеха, оживленных разговоров и постоянной суеты. Как и всем нам, ей нужна семья. Нашу мы не смогли сохранить, я это знаю: Жозефина чувствовала себя лучше в Калифорнии, твоя бабушка была полностью поглощена дочками, да и Лондон ей нравился больше Нормандии, а что до меня, то, по-моему, мне просто не хватило смелости, и я стала хранительницей семейных тайн. Но, возможно, ваше поколение разорвет этот порочный круг. Я молюсь, чтобы вы трое следовали за зовом сердца. То, что вы обнаружите, не станет для вас препятствием, а как раз наоборот.

Прости, если мое письмо кажется тебе запутанным. Я быстро устаю и легко теряю нить размышлений. Я много думаю о тебе, моя Стелла. У тебя гораздо больше общего с Ортанс, чем тебе кажется, не забывай об этом.

Обнимаю,
Жюльет

От переживаний у меня сжалось горло, прочитанное совершенно сбило меня с толку, и, наконец, с трудом сглотнув, я постаралась собраться с мыслями. Получается, я почти угадала, когда предположила, что Жюльет чего-то от меня ждала. Она не упоминала напрямую написанные ее отцом картины, но ее слова о том, что «только три недостающих фрагмента приведут к четвертому», вызывали у меня какое-то дежавю. Жюльет написала эту загадочную фразу и Флоре, и, естественно, мы предположили, что она относилась к трем портретам Элинор. Вот только что она имела в виду под «четвертым»? Мы так и не смогли ответить на этот вопрос. Неужели направление дальнейших поисков мне должно было указать прошлое

бабушки? Открытия Флоры казались удивительными, но я даже не представляла, что и меня затронет эта история. В голове вертелось множество вопросов, и я принялась мерить шагами кухню. Определенно надо с кем-то поговорить. Адам еще не скоро вернется, а дети… Ну да, эта история наверняка заинтересует их в наименьшей степени. Я взяла телефон и промотала список контактов до номера Флоры. Мне показалось важным рассказать ей о новом повороте в этой истории, к тому же у нее могла появиться еще какая-то информация, которой она захочет поделиться. Она сразу ответила на мой звонок, но я не решилась начать с главного и спросила, как у нее дела. Услышав, что у нее все хорошо, я перешла к делу.

– Я получила письмо от Жюльет. И, само собой, я понятия не имею, кто мне его отправил.

– Ну надо же! – усмехнулась кузина. – И она просит тебя найти вторую картину, да?

– Не совсем… Все не так просто. Могу тебе прочесть ее письмо, если ты не против.

– Нет-нет, давай!

Я прочла ей письмо Жюльет.

– Вау! – не сдержалась сестра. – А Жюльет все предусмотрела… И что ты будешь делать?

Пару секунд я подыскивала слова и наконец призналась, что еще не думала об этом.

– Честно говоря, даже не знаю, как это понимать.

– Мне все кажется предельно ясным. Тебе просто надо поехать в Нормандию и разобраться, знала ли твоя бабушка что-то об Элинор. Готова поспорить, что знала, иначе Жюльет не отправила бы тебе такое письмо. Вы с Ортанс были близки?

– Мы часто виделись, но она никогда не говорила о прошлом, если ты об этом.

– Ну вот видишь! – воскликнула она торжествующим тоном. – В точности как моя бабушка! Я уверена, что Ортанс тоже хранила свою тайну, и она была связана с портретами. Ты когда поедешь? Чем скорее, тем лучше, тебе не кажется?

Я покачала головой.

– Флора, я не могу просто так сорваться. Мне нужно столько всего утрясти, для начала хотя бы поговорить с мужем и детьми.

– Конечно, понимаю, – согласилась она, в ее голосе звучали нотки разочарования. – Но… Не думаешь, что это срочно? Тебе видней, не спорю, понимаю, что это довольно сложно. О, и, кстати, я открыла калейдоскоп Жозефины – и он пуст, как я и ожидала. К счастью, Джей сумел его собрать.

У меня совершенно вылетело из головы. Незадолго до смерти Жозефина попыталась передать что-то Дафне, матери Флоры, насчет калейдоскопа, который отец смастерил, когда она появилась на свет. Когда мы об этом узнали, у нас появилось целое море догадок о том, какие подсказки там могут быть спрятаны. И, очевидно, мы ошиблись.

– Твоя мама сказала нам, что Жозефина наверняка была не в себе, когда говорила об этом, – ответила я. – Мы найдем другие пути.

Но Флора отказывалась так просто сдаваться.

– Прадедушка собрал по калейдоскопу для каждой из своих дочерей, – напомнила она мне. – Если тебе в руки попадет тот, который предназначался Ортанс, обязательно его открой. Вдруг там что-то спрятано?

– Я тебе расскажу, если что-то найду, – пообещала я. – Мы все равно собирались приехать в Нормандию летом. На самом деле мне тоже любопытно, была ли Ортанс связана со всей этой историей о пропавших картинах.

Кузина рассмеялась.

– Уверена, что ты не будешь дожидаться лета!

Когда мы попрощались, я уже была готова признать, что Флора не очень далека от истины. После разговора с ней я поняла, что письмо Жюльет вызвало у меня жгучее желание докопаться до правды. Но что я точно знала о бабушке? Я представила ее себе, с этим вечным платком, который она повязывала вокруг шеи каждый раз, когда мы отправлялись на прогулку.

Стройный силуэт, продуманный образ. Но сложно не заметить, что за этой врожденной элегантностью скрывались тени прошлого. Например, почему она никогда не рассказывала о том периоде, когда в молодости была моделью? Почему она никогда не была близка с сестрой мамы Даниэль? Причин я не знала. Судя по всему, Ортанс унесла все ответы в могилу. Кроме тех, что ждали меня в «Агапантах». А ведь до конца июля еще так долго! Надо любой ценой убедить Адама, что нам нужно провести в Нормандии выходные.

3

– Элли трусит вам сказать, но мы решили поучаствовать в поэтическом конкурсе в лицее, – беззаботно бросил Гарри вечером того же дня, захлопнув плечом дверцу холодильника.

Я только что поделилась с домашними новостью о беременности Инды, и за столом еще царило радостное настроение. Но ненадолго, судя по мрачному взгляду, которым дочь наградила своего брата, когда он вернулся за стол с бутылкой апельсинового сока. Поэтический конкурс учрежден французским лицеем, и в нем участвовали многие. Как раз такой вид соревнований был Элли по духу. Странно, что она нам ни слова об этом не сказала, хотя в последнее время она в принципе все реже нам доверялась и предпочитала не делиться секретами. Наверняка чтобы дать нам почувствовать – теперь она независимый подросток, не особо нуждающийся в родителях.

– Здорово, что вы записались на конкурс! – воодушевилась я. – Будете участвовать вместе или отдельно?

– И какая тема в этом году? – заинтересованно подхватил Адам.

О нет. Видимо, он вспомнил тот раз, когда я сама попытала удачу… и с позором провалилась. Элли раздраженно положила вилку на край тарелки и скрестила руки на груди.

– Нет, ну серьезно, Гарри! Ты же знал, что я не хотела хвастаться, пока нет никакой конкретики. Мы собирались участвовать по отдельности, а тема – «Границы». Я думала отталкиваться от гуманистического послания, напомнить, что мы не самые несчастные на этом свете или типа того.

Я восхищенно посмотрела на дочь. Как же я горжусь, что дала жизнь такому прекрасному человеку! В ней сочетались творческая натура и страсть к чтению, а под маской скучающего подростка скрывалось уязвимое сердце. Она не боялась полагаться на воображение, даже как раз напротив – часто к нему прибегала, неудивительно, что она получала самые высокие оценки в классе за сочинения.

– Милая, мне кажется, это прекрасная идея! – поддержала я дочь. – А ты, Гарри, уже знаешь, о чем будешь писать?

– Нет, пока не знаю. Я же не такой одаренный, как Элли, чтобы выделяться среди остальных! А ты бы что выбрала?

Адам рассмеялся. Его красивые серо-голубые глаза насмешливо блестели за изящной черепаховой оправой очков.

– Гарри, мой тебе совет: если ты хоть немного надеешься на победу, не рассчитывай на свою мать! Она заняла последнее место на конкурсе, да и участвовала она, только чтобы произвести на меня впечатление. Честно говоря, не очень выдающееся достижение.

Предатель! Я хлопнула его полотенцем и сама же усмехнулась.

– Ой да ладно! Это было мило, признай! Особенно запоминающимся был вдохновленный Бодлером пассаж о «загадочном принце, чье имя звучит в каждом вздохе»…

Близнецы дружно поморщились.

– Фу-у… жуть какая… – фыркнула Элли.

– Да, просто кошмар! – подхватил Гарри.

– Я тогда только начала встречаться с вашим отцом и читала немало романтиков в ту пору, так что… была немного, скажем так, экзальтированной.

– Даже слишком, – закивал мой муж. – Я хорошо помню тот злополучный Хэллоуин, когда ты заставила меня нарядиться вампиром Лестатом, потому что была одержима романами Энн Райс.

– Ах да, знаменитый готический период! Бабуля и дедуля до сих пор не до конца пришли в себя, – усмехнулась Элли.

«Ну вот, опять!»

С тех пор как родители решились показать Элли мои подростковые фотографии, она не упускала случая напомнить мне об этом. Моя мама во всех подробностях рассказала ей о том периоде моей жизни, когда я сама шила себе одежду и таскалась с друзьями в Кэмден-таун ради выступлений андеграундных групп в обшарпанных залах, а родителям говорила, что вечером ходила к подружке. Дочь использовала эти истории, чтобы я не придиралась к ней, когда она одевалась в духе южнокорейских поп-звезд, которых она слушала дни напролет.

– Твои бабушка с дедушкой пришли в себя, когда поняли, что я серьезно отношусь к учебе, – возразила я. – Лучше бы вы брали пример со старших.

– О-о, ну почему каждый раз эта история оборачивается не в нашу пользу?! – с притворным страданием простонал Гарри.

– Кстати, мам, – перебила дочь, – я хотела тебя спросить: можно Лу переночует у нас не в эту субботу, а в следующую? Ты могла бы испечь нам кексы с вишней и белым шоколадом, а мы посмотрим фильм и съедим их.

В этот вечер мы с Адамом будем отмечать нашу двадцать вторую годовщину (если быть совсем точной, то это годовщина нашего первого поцелуя), и, на мой взгляд, не было ничего плохого в том, чтобы дочь пригласила к себе подругу. Но я даже не успела и слова вставить.

– Нет, Элли, – вмешался ее отец. – Мои коллеги придут к нам на ужин – у нас новая сотрудница. Ты же не против? – поинтересовался он, повернувшись ко мне.

Кусок гратена камнем провалился в мой желудок. Он шутит, что ли?

– Какой ужин, Адам? Ты мне ничего не сказал.

Он нахмурился и озадаченно запустил пальцы в волосы.

– Дорогая, ну конечно же говорил! Донна начала работать в клинике на прошлой неделе, я совершенно точно тебе об этом рассказывал. Ладно, у нас еще целых десять дней, чтобы подумать о меню.

Так, значит, это не шутка. Мы с Адамом не особо горели желанием отмечать годовщину свадьбы, но ни за что бы не отказались отметить годовщину нашего первого поцелуя. Нам было по шестнадцать, когда он поцеловал меня на концерте *Babylon Zoo,* куда мы приехали с друзьями. За несколько месяцев до этого Адам присоединился к нашей тусовке, и я сразу же почувствовала, что меня к нему тянет. Он был красив, эдакий ботаник с вечно обворожительной улыбкой, и рядом с ним я превращалась из экстраверта в скромницу. Я бы ни за что не бросилась в омут с головой, если бы тем вечером он не сделал шаг первым. Само собой, никто не думал, что мы останемся вместе и после лицея – у нас впереди была целая жизнь и масса новых впечатлений. И все же, несмотря на эти прогнозы и наш юный возраст, мы не искали новых отношений. Адам так и остался мужчиной моей жизни, моим лучшим другом, моей родственной душой. Что бы там ни говорили скептики, я встретила подходящего человека в подходящий момент. И как раз он установил традицию каждый год отмечать день, когда мы поняли, что созданы друг для друга. С каких это пор он забыл о нашей годовщине?

Я постаралась скрыть от детей, что задета, отложила столовые приборы и посмотрела в глаза мужу.

– Нет, Адам, ты мне ничего не сказал. И эта информация совершенно точно не вылетела у меня из головы, потому что ты выбрал для ужина аккурат день нашей двадцатидвухлетней годовщины.

И тут он осознал свой промах. Адам хлопнул себя по лбу.

– О нет, неужели это тот самый день? Дорогая, мне ужасно жаль! У меня голова кругом из-за работы…

– Разве ты не можешь перенести? – вмешалась Элли, которая не теряла надежды на собственные планы.

– Нет, к сожалению. В остальные выходные коллеги заняты, жонглируют семейными делами и дежурствами в клинике. Можем наверстать на следующий день, если у тебя получится, – предложил Адам, ставя тарелку в посудомойку.

Я проглотила застрявший в горле кусок. Несправедливо устраивать сцену из-за такой мелочи, когда муж загружен обязанностями перед партнерами и клиникой в целом. Темные круги у него под глазами говорили о том, что работа его измотала.

– Нет, никаких проблем, – сдалась я, но не удержалась, чтобы не добавить: – Хотя на месте твоих коллег я бы удивилась, если бы меня позвали в гости в воскресенье… – Меня задело, что никто за столом так и не спросил, как прошел мой день.

– Ах да, ты же так и не рассказала, как прошла твоя встреча сегодня утром! – Адам выпрямился.

Я вкратце рассказала ему о поездке в Севеноукс. Честно говоря, теперь, когда мои мысли полностью были заняты письмом Жюльет, утренняя поездка казалась такой далекой. Про себя я торопила детей, чтобы они поднялись к себе, а я могла все обсудить с Адамом, хотя вряд ли он освободится, чтобы съездить со мной в Нормандию.

– Боюсь, этим летом ничего подходящего я так и не найду, – подытожила я. – И в этом случае придется отложить наши планы, потому что переезд посреди учебного года даже не обсуждается.

– Ничего страшного, – пожал плечами Адам. – В конце концов, ведь мы живем не на улице. И потом, сама посмотри: ты уже устроила себе рабочее место наверху, значит, еще несколько месяцев мы точно продержимся!

Я люблю своего мужа. Правда. Но иногда мне хочется его придушить. Вот как раз сейчас мне нужна поддержка, а не его легендарная флегматичность, ведь не ему приходится постоянно подбирать упаковки от чипсов и грязные носки, запихнутые под всеми пуфами в мезонине, только чтобы поработать в свое удовольствие.

– Ты ведь понимаешь, что в этом доме я не смогу устроить свой мини-отель? Честно говоря, я вообще уже задумываюсь, надо ли мне все это. Агенты по недвижимости так меняются в лице, когда я называю им наш бюджет, что мне начинает казаться – подходящее место никогда не найдется.

Элли мельком глянула на меня и неуклюже постаралась поддержать.

– В худшем случае это только вопрос времени, ведь мы с Гарри все равно рано или поздно переедем. Я вот мечтаю снимать жилье с однокурсниками, когда поступлю, и тогда у вас освободятся целые две комнаты!

– Сама деликатность! – подхватил отец Элли, и я едва удержалась, чтобы не напомнить ему, от кого она унаследовала это качество.

Гарри поднялся из-за стола, наверняка чтобы укрыться в своей берлоге, и бросил на ходу:

– Мам, ты не расстраивайся. Сама же учила нас верить в свои мечты – значит, тебя это тоже касается, разве нет?

Его сестра закивала.

– Да, так и есть! Мам, ты лучшая!

Я благодарно улыбнулась детям, хотя они этого даже не заметили, потому что уже унеслись вверх по лестнице.

– Давай иди сюда, – прошептал Адам, раскрыв объятия.

Дважды меня просить не нужно – и я зарылась лицом в рубашку мужа, глубоко вдохнув успокаивающий аромат *Bleu* от *Chanel*.

– Прости, я сейчас сама не своя, – выдохнула я. – По сравнению с твоей нагрузкой в клинике у меня вообще нет проблем. И ты мне по каждому пустяку не жалуешься.

– Да ладно, не говори глупостей, – с этими словами Адам поцеловал меня в висок. – Тебе есть из-за чего расстраиваться, и ты копишь в себе переживания. Вот и поездка выдалась долгой… День был тяжелый, да?

– Не то слово! – воскликнула я, освобождаясь из его объятий. – Я получила такое странное письмо. Пойдем!

Мне не терпелось показать ему письмо, и я увлекла его в гостиную, Адам упал на обитый бежевым бархатом диван, а я взяла с журнального столика письмо.

– Что это такое? – поинтересовался он. – Твой эксклюзивный контракт с *Harrods* на новую коллекцию постельного белья?

– Даже лучше! Помнишь, я рассказывала тебе о портрете, который написал мой прадед и который Флора после долгих поисков нашла на Корфу?

– Такое забудешь! – рассмеялся Адам. – Ты мне столько всего рассказала об этой загадочной Элинор после поездки в Нормандию! И, как я понимаю, у этой истории появилось продолжение? Выкладывай.

Меня удивил его интерес, я-то думала, что Адам если и слушал мои рассказы об открытиях Флоры, то разве что вполуха.

– Оказывается, Жюльет написала мне незадолго до смерти. И устроила все так, чтобы мне отправили ее письмо после того, как Флора закончит все поиски на вилле.

Адам удивленно присвистнул.

– Ну ничего себе! А эта женщина была находчивой…

– Да! И самое странное, что я говорила об этом с Индой сегодня после обеда. Это точно знак!

– И теперь ты веришь в знаки? – усмехнулся он в ответ.

– Не знаю, но, как бы то ни было, совпадение поразительное. Знаешь, я думаю, что нам стоит съездить в Нормандию до начала каникул.

Адам с сомнением глянул на меня.

– Хм-м-м… Даже не знаю, как нам найти время. Не могу же я просто так сорваться, пока у нас все приемные часы расписаны. Жюльет тебя попросила об этом? Отдохнуть в «Агапантах»?

– Судя по всему, для нее это было важно.

Я протянула ему лист, исписанный рукой Жюльет, чтобы он сам все прочел.

– Вижу, – вздохнул он, проглядев послание. – Понимаю, что тебе хочется как можно скорее разобраться в этой истории, но до конца июля это точно не получится.

Хотя такой ответ был ожидаемым, все равно я ощутила укол разочарования. За эти два с половиной месяца столько всего могло произойти! Конечно же, Флора и ее мать не примут за моей спиной никакого решения насчет первого портрета, но что может случиться, если я быстро не отправлюсь искать ответы, которые мне обещала Жюльет? Сердце подсказывало, что это важно.

– Дорогой, проблема в том, что в августе мы должны сообщить нотариусу наше решение насчет виллы, – я пыталась гнуть свою линию. – Я уже поговорила с Флорой, и она уверена, что Жюльет хотела подтолкнуть меня к поискам второй картины, обидно упускать такой шанс.

– Но ведь летом и будет время, чтобы заняться этим, разве нет?

– Только если Моргана сама не решит на несколько дней приехать на виллу. Понимаешь, мне бы не хотелось навязываться, так что это может быть наша единственная возможность разобраться в этой истории.

Почему меня ни с того ни с сего охватило чувство, подозрительно похожее на панику? Даже смешно. Очевидно же, что Моргану вилла не интересует, и даже если это не так, то у

нее нет причин помешать мне копаться в прошлом. Адам медленно положил письмо на стол, снял очки и потер переносицу.

– Я тебя загрузила своими историями, да? – извиняющимся тоном спросила я.

– Да нет, дело в другом… – вздохнул он. – Я даже не представлял, что увольнение заставило тебя почувствовать себя такой несчастной и беспомощной. Только после письма Жюльет я все понял. Прости, я неправильно оценил ситуацию.

Я нежно улыбнулась мужу. Как-то я призналась маме, что меня пугает перспектива однажды утратить цель в жизни, и она, судя по всему, передала это Жюльет, ведь они часто созванивались. Ее всегда отличала удивительная проницательность, наверняка она бы посоветовала мне что-нибудь и в этой ситуации.

– Я не несчастна, просто немного устала. Жюльет, скорее всего, не так поняла мою маму. Я выберусь из этого состояния.

Адам взял мое лицо в ладони и заглянул мне в глаза, от усталости и сознания собственной беспомощности его взгляд затуманился слезами.

– Ты выкарабкаешься, любимая, – заверил он меня. – У тебя сейчас много нагрузки, это непросто, но мы с детьми тебе поможем, обещаю. Давай завтра я вернусь пораньше? Тогда ты подольше полежишь в ванной, а я за это время приготовлю ужин, что думаешь? И, само собой, мое предложение включает бокальчик красного.

– Спасибо, Адам, – прошептала я.

Он невероятно нежно поцеловал меня, и я еще крепче обняла его, закрыв глаза. Не такая уж у меня и жалкая жизнь, в конце концов.

4

– Стелла, дорогая, проходи! – приветствовала меня на следующий день мама, когда я толкнула калитку со стороны аллеи. – Отлично выглядишь!

– Это все потому, что я прогулялась – на небе ни облачка, не смогла удержаться.

Мне пришлось просидеть целое утро, уткнувшись в шторы с узором в мелкий цветочек – я шила их для одной клиентки, – и запрещать себе читать эсэмэс от детей (одна начиналась словами «Раз уж ты дома…», а другая – «Кстати, не могла бы ты…»), так что часовая прогулка на весеннем солнце явно пошла мне на пользу.

Мама помогла мне снять джинсовую куртку.

– После такой долгой прогулки тебе не повредит тарталетка с малиновым вареньем. Я тебе как раз целый противень напекла.

– Самое то! – охотно откликнулась я, спускаясь за ней по лестнице на кухню.

Дом родителей находился на Элм-Парк-роуд, в Челси, это была типичная постройка в георгианском стиле с белоснежным фасадом и окнами с двумя подвижными рамами, подобные дома обычно так симпатично обрамляют улицы, выстроившись в ряды, что туристы обожают их фотографировать. Я помнила здесь каждую мелочь: банкетку у окна в гостиной, на которой я любила читать, завернувшись в плед; в рамке над камином – репродукцию американской версии журнала *Vogue* 1938 года с Ортанс на обложке; разноцветные тюльпаны и белые лилии в вазах, при помощи которых мама расставляла акценты в интерьере; в кабинете отца – кожаное кресло ньюкасл шоколадного оттенка и персидские ковры на паркете. Мне посчастливилось вырасти в атмосфере уюта и тепла, пускай все вещи здесь и были немного устаревшими: мама посвятила себя домашним хлопотам и координации работы сети благотворительных организаций Лондона, а отец тем временем строил блестящую карьеру в сфере предпринимательского права. С точки зрения того общества, в котором они вращались, ничего удивительного здесь не было, но я сама долго не могла себе объяснить, почему маме так недоставало амбиций.

– Здравствуй, Стелла! – приветствовал меня отец, не отрываясь от своего кофе. – Как поживаешь, моя хорошая?

– Как нельзя лучше. – Я поцеловала его в щеку. – О, это же галстук, который мы тебе подарили на день рождения!

– Да, мне очень нравится темно-синий оттенок, отличный выбор.

– Ты в нем похож на молодого премьера, – улыбнулась я.

Мама в шутку толкнула меня локтем.

– Ты с комплиментами поосторожнее, а то он еще возомнит себя неотразимым!

Папа подмигнул ей в ответ.

– Что же поделать, если я по-прежнему кружу головы дамам! – отшутился он. – Но не переживай, Руби, ты у меня все равно на первом месте.

Меня всегда умиляло, как они поддевали друг друга. Для них это стало чем-то вроде ритуала, я не знала другой такой крепкой и дружной пары. Хотя родители были женаты уже пять десятилетий, они по-прежнему сильно любили друг друга и сохранили столько энергии, что казались лет на десять младше своих семидесяти. Несколько морщин и серебристых прядей не помешали папе сохранить свойственную ему от природы стать, а мама, унаследовавшая от Ортанс тонкие черты и персиковый оттенок кожи, все так же носила длинные богемные платья, которые у меня всегда ассоциировались с ней. А вот дорогих нарядов от бренда *BCBG,* которые полагалось носить жене успешного адвоката, у нее в гардеробе почти не было. Разве что на светский вечер, организованный по случаю сбора средств.

– Где Тоффи? – Я только сейчас заметила, что их маленький фокстерьер не потягивал носом воздух, учуяв аромат свежей выпечки. – Устроил себе сиесту?

Пес тут же примчался на звук своего имени и ткнулся носом мне в ладонь. Когда с приветствиями было покончено, он попытался втереться в доверие к маме, чтобы заслужить тарталетку.

– Нет-нет-нет, юноша, тебе такое вредно, – отодвинула она его и принялась ставить воду для чая. – Стелла, не хочешь сесть в гостиной? Там будет удобнее.

– Не беспокойся, здесь тоже хорошо. Ты куда, пап?

Он постучал пальцем по циферблату наручных часов.

– Время идет, и меня ждут в загородном клубе.

Два-три раза в неделю после обеда папа любил посещать клуб, основанный во времена королевы Виктории и занимавший роскошный особняк в двух шагах от Букингемского дворца. Нетрудно было представить его и других членов клуба за обсуждением судеб мира в пропитанной сигарным дымом комнате и с бокалом виски в руке. Время от времени мама сопровождала его на обеды или на события столь же чопорные, сколь и неизбежные, но этот замкнутый круг, где собирались лишь сливки лондонского общества, не вызывал у нее восхищения.

– Только не задерживайся, – напомнила она папе. – Ты обещал сходить со мной в «Женскую благотворительность» и разобрать новые пожертвования.

– Конечно, дорогая. С нами сегодня будет Чарльз Хармсуорт, я постараюсь убедить его и Пенелопу тоже сделать взнос.

– О, Джон, это было бы прекрасно! Их помощь нашей новой организации по поддержке жертв супружеского насилия будет как нельзя кстати!

Поцеловав нас, папа удалился заниматься своими делами.

– Рассказывай, что случилось, милая, – обратилась ко мне мама, сделав знак, чтобы я взяла тарталетку, пока она разливает чай.

– Ну, тебе это покажется странным, но я получила письмо от Жюльет. Она попросила меня съездить в «Агапанты», чтобы разобраться в прошлом нашей семьи.

Мама просто кивнула.

– Не вижу в этом ничего странного. Учитывая, какое приключение она приготовила для Флоры, этого следовало ожидать.

– Согласна, но… Где же мне найти время, чтобы всем этим заниматься? Какой бы интересной ни оказалась эта история, до летнего отпуска Адама я туда не доберусь. И даже тогда, скорее всего, смогу приехать очень ненадолго.

Не отрываясь от чая, мама попросила показать ей письмо. Я выудила его из сумки и протянула ей.

– Хм-м… интересно… – пробормотала она, проглядывая послание Жюльет.

Я боялась, что при упоминании Ортанс она прослезится, но лицо мамы оставалось непроницаемым. Мы с бабушкой были очень близки, а ее смерть стала для мамы тяжелым ударом, хотя все мы знали о ее болезни. Несмотря на то что Ортанс жила на другом конце города, мама или все вместе мы заглядывали к ней каждую неделю. Маме было очень больно лишиться ее в одночасье, из-за траура она на несколько месяцев погрузилась в какую-то апатию. К счастью, вскоре после этого я забеременела и заботы о близнецах, которые появились на свет до моего выпуска, помогли ей пережить этот трудный период и снова взглянуть в будущее.

– На самом деле я совершенно не удивлена, – сказала она, положив письмо на стол. – Меня проинструктировали дождаться подходящего момента, чтобы рассказать тебе, но… Жюльет и мне передала кое-что.

– Что?! – воскликнула я. – Ты о чем?

Я чуть не упала! Мама достала из кармана мешочек из кремового шелка, перевязанный шнурком в тон, и подтолкнула его ко мне.

– Я догадывалась, почему ты решила заглянуть, – призналась она. – Жюльет предупредила, что напишет тебе. Она и мне написала, чтобы я передала это тебе, если у тебя возникнут сомнения.

– Что это такое? – Сквозь ткань мешочка угадывались очертания маленького твердого предмета.

– Не знаю. Она только уточнила, что открыть его должна не я.

Я развязала узелок, осторожно потянула за края мешочка и вытряхнула содержимое на ладонь. На нее выпал крохотный ключ. На первый взгляд он казался старинным, его кольцо было изящно украшено переплетенным узором. Вокруг ключа был намотан клочок бумаги.

– Что он отпирает? – нахмурилась я.

Мама была удивлена не меньше моего.

– Понятия не имею… Там еще есть записка.

– «Это первый ключ, который откроет тебе путь к твоей судьбе и к судьбе Ортанс. Следующий укажет направление», – прочла я вслух. – Странно… Что она хотела этим сказать? Она предупреждает нас о существовании еще одного ключа, да?

Мама буравила ключ взглядом, словно могла выпытать все его секреты одной силой воли.

– Сложно понять, – признала она наконец. – Наверняка этот ключ ведет к одному из исчезнувших полотен, но не могу сразу сказать, к какому именно. И он точно не со связки ключей от виллы – он, скорее, отпирает что-то небольшое.

Мысли вихрем пронеслись в голове. Какое-то время я задумчиво грызла тарталетку в надежде, что меня осенит догадка. Но все без толку!

– Как же это все странно… я окончательно запуталась… Как такая крохотная вещь может открыть путь хоть к чему-нибудь? Жюльет тебе больше ничего не написала?

Мама отрицательно покачала головой.

– Нет, ничего особенного. Она в основном писала о том, как часто мы летом оказывались на вилле, еще она благодарила меня за то, что мы поддерживали отношения, несмотря на ошибки прошлого. И она знала, что ты будешь колебаться, когда получишь ее письмо. Да и потом странно, что она попросила меня передать тебе ключ, хотя вполне сама могла тебе его отправить.

Я обхватила лицо ладонями и глубоко вздохнула.

– Наверняка она надеялась, что ты меня подтолкнешь.

В ту же секунду звякнул мой телефон – новое сообщение от Адама.

Дорогая, не переживай по поводу ужина с моими коллегами. Твоя лазанья выше всяких похвал, ты же знаешь этого обжору Нила. И Донне она точно понравится. Я захвачу тирамису на десерт. Целую!

– Все хорошо, солнышко? – спросила мама, от которой не укрылся мой раздраженный взгляд.

– Да-да, ничего страшного, мы просто с Адамом немного не поняли друг друга прошлым вечером.

Я рассказала ей о том, что мне придется готовить ужин для его коллег в вечер нашей годовщины.

– Ох уж эти мужчины и их вечная бестактность! Помню, как твой отец однажды собрался сам забронировать нам гостиницу в Шотландском нагорье на зимние праздники и ошибся с датами. Я уже думала, что нам придется спать в машине! Подлить тебе чаю?

– Нет, спасибо. Я скоро пойду.

Но Тоффи был иного мнения – он встал на задние лапы и попытался забраться ко мне на колени. Отказать себе в удовольствии погладить его мягкие уши было выше моих сил, и я капитулировала под умиленным взглядом мамы.

– Знаешь, – внезапно сказала она, – мне кажется, тебе надо ехать в Нормандию, не дожидаясь лета. И я поеду с тобой.

– Мам, я не могу…

– Меня уже столько лет мучает тьма вопросов, – перебила она. – Особенно насчет брака родителей. Мне кажется, здесь не все до конца ясно, и я тоже хочу узнать правду!

Ну черт возьми… Она впервые заговорила со мной о своих подозрениях.

– Что же тебя беспокоит?

– Прежде всего – вопрос о том, когда мама встретила Гарольда. Ты же знаешь, что он не твой биологический дедушка?

Я кивнула. Бенджамин, отец моей мамы, внезапно скончался лет за пятнадцать до моего рождения. Задолго до этого Ортанс рассталась с ним и построила семью с Гарольдом. Мы с ним были так дружны, что я решила назвать своего сына Гарри в честь него. Мой «сводный» дедушка умер от сердечного приступа, когда мне было одиннадцать.

– Они ведь познакомились после того, как твои родители разошлись? – сказала я.

Ее взгляд на несколько мгновений помутился.

– Не знаю. Честно говоря, не совсем уверена. Отношения родителей были непростыми – например, я не понимаю, почему ни один из них не решился подать на развод, хотя они расстались в конце войны. Если задуматься, то мне кажется, что Гарольд всегда был частью нашей жизни… Но твоя бабушка делала вид, что я все выдумала. Она была такой непреклонной! Мне даже казалось, что она что-то скрывает. Например, что появление на свет моей сестры могло совпасть с прибытием Гарольда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.